

Отчего братья профессора
изъ Ковенскаго университета?

Статья Л. М. Н.

[С.-Петербургскія Вѣдомости, № 300,
2-го ноября 1902 года].

С.-Петербургъ.

Възвѣщаю о томъ Д. Д. Умолению.
Купецъ Свѣтлицынъ, "Востокъ", Улановскъ, т. № 26.
1902.

ESTICA

A 2589

Отчего бѣгутъ профессора изъ юрьевскаго университета?

Въ прибалтійской печати, — и въ такъ-называемой нѣмецкой, и въ такъ называемой русской, — за послѣднее время возгорѣлась ожесточенная полемика, въ которой приняла, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, живое участіе и одна изъ столичныхъ газетъ «русскаго» направленія. Дѣло разъигралось на почвѣ явленій изъ жизни юрьевскаго университета. Въ одномъ изъ министерскихъ циркуляровъ, нѣмецкія газеты нашли заявленіе (правда, косвенное) объ отсутствіи у министерства какого-либо намѣренія закрывать мѣстныя студенческія корпораціи, чѣмъ какъ бы давалось новая санкція ихъ существованію. По времени это почти совпало съ дозволеніемъ, въ день празднованія предстоящаго столѣтняго юбілея университета, прочитать, на торжественномъ собраніи, наряду съ двумя рѣчами по-русски также и третью рѣчь — на нѣмецкомъ языкѣ. То и другое, совершенно естественно, ничего иного, кромѣ удовольствія, въ нѣмецкой печати вызвать не могло. Сопоставляя одновременность этихъ фактовъ, а также отмѣчая и назначеніе съ прошлаго года новаго ректора, нѣмецкая печать поспѣшила придти къ заключенію, что теперь времена перемѣнились и что, слава Богу, университетъ возвращается къ его «естественному развитію». Вотъ это выраженіе, и связанныя съ нимъ надежды подхватила «русская» печать, и пошла потѣха... Нѣмецкимъ кругамъ бросили упрекъ въ стремленіи «снова возстановить въ юрьевскомъ университетѣ господство нѣмцевъ». Упрекъ, разумѣется, не остался безъ отвѣта, и теперь чуть не въ любомъ номерѣ рижскихъ газетъ, а также юрьевской, можно читать горячія статьи, страстныя замѣтки по этому вопросу. Страстность полемики лучше всего доказываетъ, что въ данномъ случаѣ затронутъ близкій, наболѣвшій вопросъ; но помимо такого умозаключенія, напрашивается и другой, едва-ли спорный выводъ: реформа университета, — а она про-

должается уже 14-й годъ,—оказалась пока далеко не въ состояніи разрѣшить жгучіе вопросы и примирить противуположные интересы.

Насколько сознательно-дипломатична или искренне-довѣрчива была радость, выраженная нѣмецкою печатью по поводу тѣхъ фактовъ, которые давали ей надежду на возвращеніе университета къ его «естественному развитію», мы не знаемъ и судить не желаемъ. Особія условія, въ какихъ находится наша печать, уже давно приучили ее въ извѣстныхъ случаяхъ придавать своимъ пожеланіямъ видъ уже исполненнаго и совершившагося факта,—пріемъ, какъ извѣстно, наблюдаемый чуть не съ самаго возникновенія у насъ печатнаго слова. Что балтійскіе нѣмцы желаютъ возврата къ старому, что мысль объ «естественномъ развитіи» имъ очень улыбається, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: этому не только нечего удивляться, но за это и нечего нападать на нихъ: въ ихъ положеніи желанія эти вполне натуральны—то, съ чѣмъ люди сжились въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній, что они всосали въ себя съ молокомъ матери, того не вытравить въ короткій промежутокъ 14 лѣтъ, особенно прибѣгая къ однимъ внѣшнимъ воздѣйствіямъ. Не забудемъ, что такой строй понятій не только *держался* вѣками, но и *поддерживался*, постоянно санкціонировался самимъ правительствомъ. Вотъ почему, болѣе чѣмъ когда-либо, слѣдуетъ помнить, что противъ убѣжденій надо бороться только убѣжденіями. Это—старая истина, но ее, къ сожалѣнію, часто забываютъ. Надо перевоспитать людей, а для этого необходимо время и, едва ли еще не болѣе, отказъ отъ всего, что раздражаетъ и оскорбляетъ въ человѣкѣ его человѣческое достоинство.

Полемика только тогда получаетъ свой смыслъ, если служить къ выясненію истины; но въ данномъ случаѣ истина оказалась скорѣе затемненной. Можно со-всѣмъ не сочувствовать нѣмецкимъ надеждамъ и пожеланіямъ возвращенія къ старымъ порядкамъ въ юрьевскомъ университетѣ, но цензурно-

эзоповскій языкъ нѣмецкой печати не даетъ возможности опредѣлить, что въ данномъ случаѣ подразумѣвала она подъ «естественнымъ развитіемъ»: дѣйствительно-ли возвратъ къ прежнимъ порядкамъ, къ превращенію нынѣшняго полурусскаго (иначе: все еще частью нѣмецкаго и уже до извѣстной степени русскаго) университета въ чисто нѣмецкій, или только надежда на уравниеніе нѣмецкаго элемента и возможность совмѣстной дружной работы русскихъ и нѣмецкихъ профессоровъ? Но если мало выяснила дѣло «нѣмецкая» печать, то печать «русская», съ ея прокурорскими обвиненіями, прямо запутала дѣло, представивъ нѣкоторыя современныя явленія жизни юрьевскаго университета въ совершенно ложномъ свѣтѣ. Я говорю о положеніи профессоровъ, какъ оно обрисовано въ органахъ «русской» печати.

Вы, конечно, догадались о настоящей цѣли этой лживой кампаніи. Начавшіе ее чувствуютъ, что завѣтная мечта ихъ политической программы не находитъ теперь себѣ прежней поддержки. Имъ хотѣлось бы обрусить Остзейскій край, а вмѣстѣ съ нимъ и юрьевскій университетъ, не путемъ примиренія, сближенія и сглаживанія противоположныхъ интересовъ, а непременно въ духѣ челоуѣконенавистничества и грубаго господства кулака, и вотъ они, видя, что почва ускользаетъ изъ-подъ ихъ ногъ, клеветуютъ и подтасовываютъ карты, хорошо помня слова Бомарше: «calomniez, calomniez, il en reste toujours quelque chose».

Излюбленнымъ въ такихъ случаяхъ приемомъ служить избитый, но психологически все еще вѣрный крикъ: «Отечество—въ опасности!» И все это продѣлывается съ очень благочестивой миной. Стоило совпасть уходу нѣсколькихъ профессоровъ на медицинскомъ факультетѣ съ заявленіемъ трехъ медиковъ нѣмецкой національности о желаніи приватъ-доцентировать, какъ этому придается видъ замѣны однихъ другими, хотя хорошо извѣстно, что никто объ этой замѣнѣ не думалъ, что приватъ-до-

центство является въ университетѣ въ силу права, предоставленнаго каждому, обладающему извѣстнымъ научнымъ цензомъ — заявить свои лекціи, а что замѣна опустѣлыхъ кафедръ идетъ своимъ чередомъ: этого довольно, чтобы на этой канвѣ расписывать всевозможные узоры о видѣреніи нѣмецкаго элемента и о томъ, какъ тяжело и неравноправно будетъ положеніе *русскаго* студента, когда ему придется имѣть дѣло съ профессорами-*нѣмцами*.

Насколько во всемъ этомъ шумѣ мало значенія играютъ соображенія научно-учебной пользы, можно судить по слѣдующему факту. Недавно для замѣщенія одной вакантной кафедры совѣтъ университета предпочелъ лицо нѣмецкаго происхожденія кандидату съ русской фамиліей, — и этого оказалось достаточнымъ, чтобы закричать о партійныхъ расчетахъ и начать завѣрять, будто «преимущества русскаго кандидата, съ точки зрѣнія интересовъ кафедры, не могли подлежать никакому спору», тогда какъ именно они-то спорны и были. Для болѣшей убѣдительности газета старается опереться на мнѣнія запрошенныхъ по этому вопросу академиковъ и профессоровъ столичныхъ университетовъ, не зная или не желая знать, что именно въ ихъ-то авторитетныхъ мнѣніяхъ совѣтъ и почерпнулъ свои основанія для предпочтенія «нѣмецкаго» кандидата.

Особенно, — не скажу ловкій, но открытый по своей беззащитности, — вольтъ продѣланъ былъ на почвѣ ухода нѣкоторыхъ профессоровъ изъ юрьевскаго университета. Въ теченіе нынѣшняго года совершился или опредѣленно выяснился въ ближайшемъ будущемъ уходъ трехъ профессоровъ съ медицинскаго факультета, двухъ — съ физико-математическаго, одного — съ историко-филологическаго и одного — съ юридическаго; почти несомнѣненъ уходъ и еще одного изъ двухъ профессоровъ юридическаго факультета, участвующихъ въ конкурсѣ столичнаго университета; наконецъ, продолжительное нездоровье двухъ профессоровъ-медиковъ и вынужденные ихъ болѣзнью пробѣлы въ преподаваніи наводятъ на мысль о возмож-

ности открытія еще новыхъ кандидатуръ. Для точности ариметическаго подсчета укажемъ и на открывающуюся перспективу для одного изъ юрьевскихъ профессоровъ получить кафедру въ одномъ изъ заграничныхъ университетовъ.

Въ общемъ, цифра получается немалая для одного года, и вотъ забили въ набатъ. Одна газета начала говорить о «бѣгствѣ» профессоровъ, да притомъ еще лучшихъ; другая сейчасъ же подсказала и причины такого «бѣгства»: въ тяжелой-де атмосферѣ условій университетской жизни существовать невозможно, задыхаешься-де... Что же создало эту атмосферу? Слушайте, слушайте внимательно! Университетъ въ настоящее время раздѣленъ-де на три партіи: а) старонѣмецкая партія, нынѣ, «вслѣдствіе отсутствія прежнихъ сдерживающихъ вліяній», «оживившая» свои «домогательства»; б) «русскіе инородствующіе профессора», идущіе «въ хвостъ нѣмецкой партіи» и в) тѣ русскіе профессора «русскаго образа мыслей», которые «въ хвостѣ» нѣмцевъ «идти не склонны». Положеніе послѣднихъ «весьма тяжелое»: первыя двѣ партіи—«хозяева положенія» и творятъ, что хотятъ, а этимъ, бѣднымъ, приходится «непрерывно бороться», а, главное, у нихъ отняты «и время, и душевный покой, необходимые для занятія наукой». Но мало того. Имъ и пикнуть нельзя: «открыто дѣйствовать противъ домогательствъ новообразовавшагося университетскаго большинства становится *въ служебномъ отношеніи прямо опасно!*» Вы понимаете, чѣмъ это пахнетъ? Какъ же тутъ не бѣжать тѣмъ, кто,—какъ васъ увѣряютъ,—ищетъ ученыхъ занятій, а не непрерывной партійной борьбы? И какъ тутъ не закричать: «Караулъ! Отечество—въ опасности!» а

Но не довольно-ли? Кажется, трудно идти дальше въ томъ направленіи, въ какомъ ведутъ насъ изданія «русскаго образа мыслей». Газета, сообщающая эти страшныя вѣсти, въ своемъ желаніи придать имъ болѣе авторитета, постоянно ссылается на своихъ корреспондентовъ изъ Юрьева, довольно прозрачно намекая, что свои свѣдѣнія она черпаетъ изъ близкихъ къ университету

круговъ, именно изъ третьей категоріи профессорскаго персонала, тѣхъ профессоровъ «русскаго образа мыслей», о которыхъ было говорено выше. Не есть-ли это только маневръ, къ тому же не особенно благовидный? Трудно повѣрить, чтобы изъ среды лицъ, близко стоящихъ къ юрьевскому университету, могли исходить такія ложныя и явно тенденціозныя свѣдѣнія. Если даже и допустить существованіе названной группы профессоровъ «русскаго образа мыслей», а вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что мысль объ «естественномъ развитіи» университета имъ мало улыбается,—все же чувство достоинства и уваженіе къ правдѣ помѣшали бы имъ утверждать то, что утверждаетъ газета. Вѣдь говорить о «небезопасности въ служебномъ отношеніи» это значитъ попросту... инсинуировать!

Васъ стараются завѣрить, будто вслѣдствіе отсутствія прежнихъ «сдерживающихъ вліяній», нынѣ профессора начали бѣжать изъ юрьевскаго университета. Выходитъ, что раньше, при наличности этихъ «вліяній», профессора держались крѣпче на своихъ мѣстахъ. Такъ-ли это? Можно пожалѣть, что юрьевскіе поставщики свѣдѣній въ рижскую газету такъ плохо знакомы съ недавнимъ прошлымъ своего университета. Дѣло въ томъ, что уходя профессорскихъ силъ яркой нитью проходитъ и черезъ весь періодъ «сдерживающихъ вліяній», а если принять во вниманіе, что большинство ушедшихъ тогда (лица, дѣйствительно, *русскаго образа мыслей*, но только безъ ковычекъ) никогда бы не позволило зачислить себя въ столь излюбленную рижскою газетою категорію профессоровъ «русскаго образа мыслей» (съ ковычками), то, можетъ быть, гораздо ближе къ истинѣ будетъ признать, что именно въ этихъ «сдерживающихъ вліяніяхъ» и коренилась истинная причина ихъ ухода. Указанныя «вліянія» сильно сказались и на убыли текущаго года, такъ какъ нынѣ ушедшіе или собирающіеся уходить начали думать о своемъ ужъ дѣ и подготовлять его, конечно, не со вчерашняго дня.

Добрая, и дѣйствительно лучшая, по-

ловина этихъ профессоровъ къ излюбленной рижскою газетою категоріи отноудь не принадлежитъ, и потому, казалось бы, газетѣ, съ усвоенной ею точки зрѣнія, послѣдовательнѣе было бы не оплакивать, а радоваться ихъ уходу, такъ какъ съ ихъ уходомъ долженъ уменьшиться столь ненавистный ей «нѣмецкій хвостъ», тѣмъ болѣе что,—какъ можно судить по заявленіямъ самой же газеты,—особенной приверженности къ занятіямъ наукою эти лучшіе профессора и не проявляли... Но что для нея противорѣчія и непослѣдовательность, разъ является надежда такимъ путемъ замаскировать истину и дѣйствительные факты!

Вообще, «сдерживающія вліянія» сыиграли въ юрьевскомъ университетѣ роль діаметрально-противуположную той, какую ей приписываетъ рижская газета, и если бѣгство, какъ бы сейчасъ велико оно ни было, не выходитъ за нынѣшніе предѣлы, то благодаря прежде всего *прекращенію* указанныхъ «вліяній».

Газета оплакиваетъ ставшій воспоминаніемъ періодъ «сдерживающихъ вліяній»; на самомъ дѣлѣ этому надо лишь радоваться, и административныя перемѣны въ юрьевскомъ университетѣ убѣдительно доказываютъ, что и въ самомъ министерствѣ раздѣляется эта послѣдняя, а не первая точка зрѣнія. Да иначе оно и не можетъ быть. «Сдерживающія вліянія» мѣшали работать: своеобразные приемы руссификаціи и постоянного третированія нѣмецкихъ элементовъ, особенно, когда это касалось вопросовъ и отношеній чисто научныхъ, не могли въ людяхъ, дѣйствительно умѣющихъ цѣнить науку внѣ національныхъ отличій, вызвать ничего иного, кромѣ раздраженія и нравственнаго угнетенія,—мотивъ, болѣе, чѣмъ достаточный, для желанія поскорѣе выбраться изъ такой давящей обстановки и искать въ другихъ университетахъ условій, болѣе содѣйствующихъ спокойной научной работѣ. «Русскую» газету приходится опять поучать старою истинѣ: смѣшивать соображенія національныя съ научными, значить: расписываться въ собственномъ безспіи и забывать, что *достоинство и русскаго имени, и русской науки требуютъ отъ юрьевскаго университета бороться съ нѣмецкимъ вліяніемъ единственно до-*

Въ одной изъ статей, посвященныхъ юрьевскому университету, рижская газета, спохватившись, заговорила о недостаточности его матеріальныхъ средствъ, о бѣдности научной обстановки. Вотъ съ чего слѣдовало бы начать ей и чѣмъ въ сущности закончить свою рѣчь! Дѣло въ томъ, что, наряду съ указанными «сдерживающими вліяніями», дѣйствовала и, къ сожалѣнію, еще продолжаетъ дѣйствовать вторая существенная причина непрочности состава преподавательскаго персонала въ юрьевскомъ университетѣ, которая вполне обозначится, если сказать, что трудно найти въ Россіи (да и не найти) другой университетъ, хуже обставленный въ учебно-воспитательномъ отношеніи, какъ этотъ. Штаты, составленные 40 лѣтъ тому назадъ, давнымъ давно устарѣли; треть специальныхъ средствъ идетъ на усиленіе личнаго состава преподавателей; отчасти изъ этого же источника покрывается и ихъ жалованье. Развѣ есть что-либо подобное не только въ петербургскомъ, московскомъ университетахъ, но и въ казанскомъ, одесскомъ? Вслѣдствіе этого на клиники, кабинеты, университетскую библіотеку идутъ однѣ жалкія крохи. Въ университетѣ всего одна химическая лабораторія, тогда какъ вездѣ ихъ, по меньшей мѣрѣ, три; помѣщеніе фармацевтическаго института настолько ветхо, что потолокъ держится лишь на подпоркахъ; клиники представляютъ нѣчто прямо поразительное по тѣснотѣ, бѣдности обстановки, въ какой лежатъ больные; десятки губернскихъ больницъ въ Россіи оборудованы во много разъ лучше. Университетская библіотека не знаетъ, куда размѣщать новыя поступления книгъ; въ ея нижнемъ этажѣ мѣстами хоть глазъ выколи; геологическая лабораторія помѣщается въ какомъ-то полутемномъ и сыромъ подвалѣ; инныя зданія капитально не ремонтировались 40—50 лѣтъ; въ зависимости отъ дѣйствующихъ штатовъ правоспособность нѣкоторыхъ кафедръ по выпискѣ книгъ—умора сказать!—опредѣляется всего 22—25 рублями въ годъ, и достаточно выписать десятокъ лишнихъ книгъ, какъ уже возникаетъ грозный вопросъ о «пе-

перасходѣ». За послѣдній годъ министерство старается усилить практическія занятія студентовъ, но въ университетахъ нѣтъ основного: студенческой библіотеки. Короче сказать, *нельзя учить и учиться*. Можно-ли послѣ этого удивляться бѣгству профессоровъ?

L. M. N.

См. Дод. № 300, 2 и 402.